

от оперативности хозяйственной системы. В-шестых, автором предпринята попытка устранить произвольность в оперировании понятиями «прикладные исследования», «прикладные науки», «технические науки», «технологические дисциплины», «разработки», «проектирование», «изобретательство», «инженерная деятельность».

Думается, проведенный анализ, учет предложенных автором рекомендаций будут способствовать более эффективному управлению наукой.

В целом книга профессора С. Халилова «Наука о науке» является важным вкладом в науковедение на постсоветском пространстве, и мы надеемся, что она послужит восстановлению целостности научного сообщества в странах СНГ.

Рецензент: доктор философских наук, академик НАН Азербайджана *Рамиз Мехтиеv*

А. В. Юревич, И. П. Цапенко.
Наука в современном российском обществе /
Институт мировой экономики и международных отношений РАН,
Институт психологии РАН. М.: Институт психологии РАН, 2010

Состояние российской науки в последние двадцать лет многократно обсуждалось в популярных статьях в СМИ, за круглым столом, в докладах и выступлениях с разнообразных трибун. Оценки, хотя и были разнообразны и разнородны, как правило, сводились к словам «кризис», «недофинансирование», «гибель фундаментальной науки» и т. п., мало и редко кто системно анализировал реальные тенденции, включая в проводимый анализ изучение положительных явлений в российской науке.

Книга *А. В. Юревича, И. П. Цапенко*, известных, не первый год пишущих о науке, авторов, должна быть охарактеризована, прежде всего, как *системное исследование* феномена. Пять разделов монографии — это экспликация и анализ важнейших аспектов взаимоотношения науки в современном ее состоянии и современного российского общества. Предваряя последующее развитие событий, авторы определяют характер тяжелого положения отечественной науки в 1990-е годы как «функциональный кризис», отмечая его суть: «старые» функции (работа на военно-промышленный комплекс, идеологию) российской науки советского периода остались в прошлом, а новые, «которые характерны для развитых стран», — еще не сформировались. Вместе с тем исследователям представляются важными и некоторые аспекты взаимоотношения науки с разного рода социальными системами в современной России, такими, например, как СМИ, политика, а также с рядом околонуточных явлений.

С первых страниц работы дает о себе знать такой положительный факт, как обращение к многочисленным и разнообразным российским и зарубежным статистическим источникам — OECD Science, Technology and Industry Outlook; OECD Science&Technology Indicators; Science&Engineering Indicators; Eurostat of European

Commission; Российский статистический ежегодник; Россия в цифрах и др. Дополняют работу результаты, полученные авторами в ходе самостоятельно проведенного масштабного социологического опроса.

Монографическое исследование открывается общей характеристикой современного состояния российской науки: без отсылки к «цитатам из классиков», опираясь на большой статистический материал, исследователи анализируют негативные симптомы, предъявляя вниманию читателя не только собственно симптом, но и его проявления. Объединенные в таблицу «симптомы» и их «проявления» дают ясную картину системного кризиса отечественной науки, в котором наряду с «низким уровнем финансирования», «неудовлетворительным состоянием материально-технической базы», «плохой обеспеченностью информацией и литературой» зафиксирован и такой значимый, прежде не отмечаемый столь явно симптом, как «пессимизм относительно будущего науки».

Авторы считают важным указать не только на негативные, но и на позитивные тенденции в российской науке, среди которых присутствуют — деидеологизация науки, академическая свобода, интеграция в мировую науку и др. И хотя позитивные факторы не компенсируют негативных феноменов, само их наличие позволяет исследователям задаться вопросом о том, как же характеризовать нынешнее положение в российской науке — как кризис или возрождение?

Однако логика обсуждения вынуждает вернуться к анализу кризисных проявлений в российской науке: финансирование, оборудование и, может быть, главное — научные кадры и их результативность. Количественные показатели, характеризующие эти аспекты научной деятельности, не новость для читателя, но всякий раз, сталкиваясь с ними, испытываешь если не шок, то некоторое недоумение, сожаление. Во всяком случае, когда фиксируется, что в ряде регионов Российской Федерации численность исследователей такого же масштаба, что и в Буркина Фасо или на Мадагаскаре, испытываемые читателем чувства именно таковы. То, что авторы неоднократно привлекают внимание к подобного рода цифрам и сравнениям, очень важно — нельзя нагляднее показать некоторые позиции, занимаемые российской наукой и учеными.

Представляющие свою работу исследователи — гуманитарии. Возможно, отчасти этим определяется их особый интерес к сфере социогуманитарного знания. Во всяком случае, они не обошли вниманием несколько интересных фактов, связанных со знанием этого рода. На фоне кризиса естествознания социогуманитарные дисциплины в достаточной мере процветают: рост числа гуманитарных вузов и конкурса в них, численности специалистов-гуманитариев, аспирантов и докторантов — цифры, приведенные в книге, о том убедительно свидетельствуют. Причин происходящего немало, авторы называют некоторые — «в условиях крутых разворотов социально-политического курса общественные и гуманитарные дисциплины потенциально обладают лучшими возможностями ... адаптации» (с. 37); российскими политиками востребовано то знание, которое «позволяет улучшать политические имиджи, готовить и проводить избирательные кампании, зондировать и “зомбировать” общественное мнение» (с. 46); российский бизнес предъявляет социогуманитарной науке «отчетливый и хорошо обеспеченный финансами социальный заказ» (с. 49). Формирование этих новых функций социогуманитарных наук стало возможно в условиях «либерализации» их «когнитивного контекста», когда происходит превращение российской социогуманитарной

науки в «механизм трансляции знания, созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику» (с. 54).

Вслед за констатацией такого положения дел авторы переходят к исследованию проблем взаимоотношений российской науки с зарубежной — новый раздел назван «Российская наука в контексте глобализации». Здесь обсуждается целый ряд актуальных тем — интеллектуальная миграция, научная диаспора, международное научное сотрудничество, национальное и интернациональное в науке и др. Особый интерес представляет параграф, посвященный интеллектуальной миграции и сорсингу. Внимание читателя привлекают цифры, характеризующие степень участия ученых, живущих в России и работающих на зарубежные фирмы: 10 тысяч ученых работают на американские компании и 20 тысяч — на европейские. Все это сегодня трактуют как новый всплеск теперь уже «электронной утечки умов». В главе «Электронная наука» с опорой на данные многолетнего исследования Е. З. Мирской анализируется степень включенности российских ученых в процесс использования ИКТ. События в этой сфере развиваются вполне позитивно, значительная часть российских ученых всех возрастных категорий успешно использует информационные технологии. Более того, сегодня имеет смысл говорить о том, что «невключенность» в эти процессы означает для интеллектуала невключенность в интернациональное научное сообщество.

Как отмечают авторы, и интеллектуальную миграцию, и сорсинг, и другие феномены, связанные с глобализацией науки, нельзя оценивать однозначно — при всей их возможной негативности они являются формой включения российских ученых в мировую науку.

Очень важной частью представляемого исследования являются главы, посвященные проблемам взаимодействия науки и политики, науки и бизнеса, науки и СМИ. Все это темы, слабо разработанные в литературе. Авторы и не ставят себе задачи теоретической проработки этих проблем, но даже самый общий и достаточно краткий их анализ позволяет исследователям сформулировать вывод о диссоциированности нашего общества, о том, что причина невостребованности науки в России заключена «не в каких-либо специфических свойствах самой отечественной науки, а в нарушении ее нормальных взаимоотношений с обществом...» (с. 198), в «отсутствии нормального механизма взаимодействия...» (с. 216) социального института науки с названными социальными подсистемами.

Понятно, что появление на фоне такой диссоциации множества околонучных феноменов, объединенных понятием «теневая наука», уже кажется почти что закономерным. А описанный авторами факт — наличие в современной России патента «Симптоматическое лечение заболеваний с помощью осинового палочки в момент новолуния...» — уже не кажется читателю столь шокирующим. Конечно, теневая наука — феномен многоплановый, анализируя который нельзя не заметить ту негативную роль, которую играют в его разрастании СМИ, выступающие важнейшим средством замещения в общественном сознании рационального начала иррациональным. Точно так же ясно и то, что сегодня, исследуя духовную составляющую общественной жизни, нельзя его игнорировать. Размышляя о перспективах теневой науки в России, исследователи отмечают несколько основных тенденций, раскрывающих будущее этого явления: увеличение количества сегментов теневой науки и расширение каждого из них; размывание границ между нормой и аномией; своеобразная «социализация» теневой науки, и некоторые другие.

Итоговые построения, естественно, замыкаются на обсуждении перспектив науки — задача непростая ввиду целого ряда обстоятельств, имеющих место в современной России и уже обсуждавшихся авторами. Это и широко распространившиеся иррационалистические настроения, «странная» политика СМИ, отсутствие ясного механизма взаимодействия науки и власти, науки и бизнеса, доминирование рыночной модели преобразования науки «в мозгах» некоторых ретивых чиновников и др. Но именно означенные факторы и определяют перспективы научной политики, которая, по мнению исследователей, должна включать три составляющих: 1) внутринаучную политику, предполагающую выработку стратегии развития научных институтов, 2) принятие и реализацию системы законов, стимулирующих развитие науки и наукоемкого производства, 3) перестройку всей системы взаимоотношений науки и общества, предполагающей пропаганду достижений науки, рационализацию массового сознания.

В заключение нужно со всей определенностью сказать, что представленное вниманию читателей исследование в высшей степени заслуживает этого внимания: работа умная, интересная, содержательная, с большим объемом фактического материала, написанная ясным слогом, популярная в лучшем смысле этого слова, с отчетливо выраженной авторской позицией.

Рецензенты: кандидат социологических наук *Н. А. Ащеулова*, кандидат филологических наук *В. М. Ломовицкая*

Е. В. Васильева.

**Политика советского государства в области науки
как фактор трансформации социальной структуры
научной интеллигенции Дальнего Востока.**

Владивосток, 2011. 294 с.

В каждой стране кадровая составляющая научной политики приобретает специфические формы. В целом, несмотря на различия, кадровая политика сводится к участию государства в формировании социальной структуры научной интеллигенции, установлении определенных связей между ее группами. Государственное участие особенно значимо на раннем этапе — этапе создания научных кадров определенной специализации с учетом территориального распределения ученых, их статусно-ролевого позиционирования и ряда других характеристик. Влияние государственной политики советского периода на социальные характеристики научных кадров на Дальнем Востоке — тема, которую Е. В. Васильева исследует в своей монографии.

Количество публикаций, посвященных анализу государственной политики в области отечественной науки советского периода, выполненных социологами